

ПАТРИЦИЯ
МАККИЛЛИ П

БАРДЫ
КОСТЯНОЙ РАВНИНЫ

Издательство АСТ
Москва

Глава первая

Отца Фелан отыскал у реки. Было тишайшее раннее утро. Волны прилива мягко плескались у подножья одного из огромных, изъеденных временем стоячих камней, возвышавшихся по обе стороны реки в таком беспорядке, что некоторые говорили, будто по ночам, когда луна на исходе, эти камни приходят в движение и бродят с места на место сами собой. Такова была одна из легенд, связанных с этими камнями. Вторая же сидела в пьяной полудреме за грудой обломков стены, устало рухнувшей на границе воды и суши.

— Я видел, как шли они на войну —
Камни Бека, камни Тарана,
Отважные камни Стирла.
Я пережил гнев их и ярость.
Я повесть о них вам принес.
Кто я?

Ответ на это Фелан знал: вне всяких сомнений, глубокий, прерывистый голос с ноткой беззаботной

насмешки, отточенной так тонко, что того и гляди порежет, принадлежал Ионе Кле. Беззвучно вздохнув, Фелан двинулся на голос вдоль груды битого кирпича. Грязь под ногами чавкала на каждом шагу. Над рекой Стирл навис густой туман, долина безмолвствовала. Если бы не голос отца, Фелан вполне мог бы решить, будто в тумане нет ни души, и весь мир вернулся к началу времен.

— Кто здесь?

— Будто тебе дело есть, — откликнулся Фелан.

Из-за кучи негромко хмыкнули.

— О, Фелан. Прекрасно. Я издержался до последнего гроша.

Вскарабкавшись наверх, Фелан уселся на гребень груды обломков. Подошвы измазанных грязью сапог уперлись в камень вровень с головой отца. Иона поднял взгляд и криво улыбнулся сыну. Его приятное, изможденное, заросшее колючей щетиной лицо было бледно, веки воспалены, в длинных темных волосах запуталась скорлупа птичьих яиц, раковины улиток, мокрые перышки, отливающая перламутром рыба чешуя. Домотканый плащ с капюшоном, должно быть, украденный где-то в скитаниях, выглядел так, будто отец проспал в нем на прибрежной гальке, омываемый всеми приливами и отливами, не один день.

— У меня для тебя новость, — сказал Фелан.

— Как ты меня отыскал? — с любопытством спросил отец. — Ты всякий раз меня находишь!

— Может, по запаху... — Фелан выдернул из волос Ионы прутик и с хрустом разломил его надвое. — Никогда об этом не задумывался. Если уж приходит-

ся искать тебя, я предпочитаю покончить с этим как можно скорее.

— Денег она мне не передавала?

— Нет. Она хочет видеть тебя дома.

Отец закатил глаза и вопросительно сощурился, но Фелан только пожал плечами.

— Даже не спрашивай, зачем.

— Но зачем?

— А почему бы нет? У тебя есть дом. Выпить и дома можно.

Услышав его последние слова, Иона пошарил вокруг, нащупал горлышко разбитой бутылки, недовольно крикнул и отшвырнул его прочь.

— Не вижу надобности подвергать твою мать таким испытаниям.

— Так зачем же...

— Зачем я ей понадобился? Это так уж важно? — видя, что Фелан не собирается отвечать, отец потянулся к нему, поймал его грязный сапог и встряхнул. — Ты же знаешь зачем. Скажи!

— Нет, — непреклонно ответил Фелан.

— Ладно, а деньги у тебя есть?

Фелан не отвечал. Он отодвинулся от отца, перекинул ноги через гребень рухнувшей стены, склонился вперед и нахохлился, как сидевшие вдоль берега чайки. Сероглазый, светловолосый, он и с виду напоминал одну из них. Подобно им, он устремил взгляд на воду в ожидании ряби, знака, указания пути. Вода говорила, негромко журчала, пенилась среди ничемного мусора, что вынесла на берег и разложила в грязи, будто бесценные сокровища. Пробуждав-

шийся бриз всколыхнул камыши. Вскоре он развеет туман, сотрет границы этого крохотного потаенного островка безвременья... Под его дуновением сквозь серую пелену уже отчетливо, явственно проступали очертания ближайшего из стоячих камней — тупого сливочно-желтого зуба в три человеческих роста высотой.

Фелан забормотал, почти не слыша собственного голоса:

— Я вижу приливы и вижу отливы. Меня знают птицы. Пришел я сюда с севера, из земли Но. Ищи меня у кромки моря. Я тут и там с тех времен, как положено слову начало. Кто я?

Отец фыркнул сквозь стиснутые зубы — возможно, сплюнув прилипшую к губе чешуйку, возможно, отпустив нечленораздельное замечание.

— Отвечай, — коротко сказал он.

Фелан беззвучно рассмеялся в непроницаемое лицо раннего утра.

— Сам отвечай, — негромко выдохнул он. — Скажи, кто ты. Скажи, как мне понять, зачем ты здесь — зачем сидишь в грязи и мусоре у берега реки на рассвете, среди безлюдных развалин?

Он подождал — без особых, впрочем, надежд. Туман ветшал, нити его редели, открывая взгляду проблески света, плывущую брюхом вверх дохлую рыбу, плоский бок еще одного стоячего камня, когда-то, в минувшие столетия, сошедшего с места и двинувшегося через реку. Вскоре утренний бриз развеял все надежды получить ответ. Фелан поднялся на ноги.

— Мне пора.

Иона вновь поднял на него взгляд. Глаза отца сузились, сверкнули от внезапной перемены освещения.

— А ведь мне это не понравится, не так ли? То, для чего я нужен ей дома?

— С этим вполне можно примириться, — устало сказал Фелан. — Зато примешь ванну, наполнишь карманы...

— А ты так и не скажешь?

— Ты же знаешь: не скажу.

— Одолжи мне...

— Нет.

Иона вновь улегся на спину и мелодичным, приятным голосом затянул, будто литанию:

— Упрямый, свиномордый, строптивый, жестокосердный, безжалостный, беспощадный...

— Знаю, знаю, — Фелан встал и спрыгнул вниз. — В жизни не сомневался, что я — твой сын. Ладно, там увидимся.

— Где? — спросила куча камней.

Повернувшись к ней спиной, Фелан пересек заросшую сорной травой дорогу и едва не свалился в последнее прозрение отца.

«Из-за этой отцовской мании в городе скоро шагу некуда будет ступить», — мрачно подумал Фелан, едва удержав равновесие на краю ямы. Бросив взгляд вниз, в полумрак, он развернулся и двинулся по пустоши к мосту через Стирл.

На полпути через реку он выступил из промозглой мути тумана, серой воды и камня на простор изумительно яркого света.

Длинный открытый паромобиль, кативший навстречу, крякнул на Фелана клаксоном и выпустил в воздух струю пара. Увидев за рулем принцессу, Фелан помахал ей, но машина тут же исчезла в полосах тумана позади, увозя бригаду археологов к месту загадочного отцовского проекта. Оставалось только надеяться, что Иона не подвернется им под колеса. Другого движения по этому мосту — мосту к руинам воспоминаний, в царство заросших травой призраков далекого прошлого, давно исчезнувшего из памяти живых — не наблюдалось. Чем мог привлечь отца этот унылый клочок земли в сердце большого города? Этого Фелан и вообразить себе не мог.

Столица королевства, необозримый Кайрай, сверкавший под солнцем буйной радугой всевозможных оттенков мрамора, краски и кирпича, занимал собою половину огромной равнины по обе стороны реки Стирл. Вдоль пирса выстроились шеренгой торговые корабли — паруса убраны, машины безмолвны, грузчики деловито снуют по трапам вверх-вниз. Другие суда, следуя за отливом, двигались вниз по Стирлу к морю, поднимали паруса — яркие, неповторимые, будто крылья бабочек. Рыбацкие лодки, элегантные барки, быстрые юркие рыночные ялики скользили по речной глади от берега к берегу. На вершине единственного в городе холма высилась древняя школа — толстостенное здание, обнимавшее полуразрушенную башню, тянущуюся вверх темно-серым мазком на фоне ярких стен более поздних столетий. Туда-то Фелан и направлялся.

По ту сторону моста начинались шумные людные улицы, и здесь он сел в трамвай-конку, идущий до школы на холме.

Мантию, книги и записи он держал в одном из дубовых шкафчиков, тянувшихся рядком вдоль стен профессорской — просторной комнаты в монументальном серо-розовом здании, выстроенном на деньги и названном в честь отца, Ионы Кле. Несколько прочих учеников-преподавателей тоже облачались в мантии, зевая и ворча по поводу раннего часа. Все они, как и Фелан, почти закончили годы учебы — им оставалось лишь овладеть последним предметом, прочесть один-два учебных курса да написать итоговую исследовательскую статью, после чего они смогут выйти в свет и назвать себя бардами. Их мантии, надеваемые поверх одежды, все еще были ученическими — зелеными с золотом. Однако, как мэтрам на практике, им позволялось носить мантии небрежно, нараспашку, выставляя напоказ кожу, домотканые рубахи, шелка и парчу — порой засаленные и потрепанные не меньше, чем их владельцы.

Роясь в бумагах и книгах, Фелан услышал собственное имя и рассеянно оглянулся.

— Ты уже выбрал тему итоговой работы? — спросил подошедший юноша. Он был превосходным музыкантом, потрясающе старательным и прилежным во всем, кроме того, что не относилось к музыке. — Я ненавижу историю. Ненавижу чтение. А превыше всего ненавижу писать. Просто в голову не приходит мысли, ради которой я смог бы дни напролет сидеть за столом с пером в руке и выводить бесконечные

фразы, которых не прочтет никто, кроме одного-двух мэтров — и то лишь по обязанности. О чем будешь писать ты? Ты уже выбрал?

Фелан пожал плечами.

— О чем-нибудь простеньком. Лишь бы с учебной покончить.

— А о чем это — о простеньком? — умоляюще спросил юноша. — Скажи же!

— О стоячих камнях.

— О камнях Кайрая? — вмешался в разговор еще один из коллег. — Уже было. Как минимум раз в десятилетие за последние пять сотен лет. Что о них можно сказать нового?

— Как знать. Да и кому до этого дело? И, кстати, Кайрай ни при чем. Я исследую стоячие камни Костяной равнины.

Мрачная девица, учившая начинающих нотной грамоте, застонала.

— Дважды в десятилетие за последние пять сотен лет.

— Прямо как отец, — улыбнулся Фелан. — Он сказал в точности то же самое, услышав, о чем я собираюсь писать. Но это проще всего: самое трудное уже сделано до меня, и думать над статьей не понадобится.

— Так ты еще и не начинал? — догадалась девица.

Фелан покачал головой. Последовала недолгая пауза.

— Как такое возможно? — резко спросила девица. — Такой поразительный дар — и так мало амбиций...

Зажав под мышкой бумаги и книги, Фелан запер шкафчик, одарил девицу очаровательной насмешливой улыбкой и отвернулся. Стоило ли объяснять, что вся его жизнь вплоть до сего момента шла по указке отца?

Фелан давно оставил попытки понять Иону. Довольно было и того, что отец решил его судьбу еще в пять лет, без всякой жалости отдав в Школу-на-Холме, пообещав сыну свободу и богатство, если тот осилит многолетний учебный курс до конца. И вот, после всех этих лет, до конца осталась какая-то пара шагов: прочесть еще один скучный учебный курс да написать итоговую работу. Сто раз он был на грани ухода из этой школы — и сто раз предпочел остаться. И всякий раз самой убедительной из причин — куда более привлекательной и веской, чем все отцовские посулы — оказывалась мысль о том, что, поступая, как велит Иона, он сумеет разгадать хитросплетения отцовского сознания и наконец-то научится понимать его.

Однако некоторое время назад, как это ни горько, пришлось признать поражение. Теперь Фелану хотелось только одного: в последний раз выйти из Школы-на-Холме на улицы Кайрая и никогда больше туда не возвращаться.

Согласно традиции его уроки проходили в дубовой роще на вершине холма (по крайней мере в те дни, когда не было дождя). По мнению школьного эконома, в роще сменилось уже пять поколений дубов. Взглянув через лужайку, Фелан увидел, что ученики уже расселись под деревьями и ждут. Огромные

золотистые ветви, способные притягивать молнии, с громом ломавшие их, укрывали землю густой паутиной теней — казалось, ученики, сидящие в траве, запутались в ней, сами того не ведая. Ветви, оброненные парой старейших дубов и ради создания нужного колорита не тронутые садовниками, покоились на земле, точно огромные заплесневелые кости.

Ученики в возрасте от двенадцати до пятнадцати миновали половину пути к окончанию нелегкой учебы. Все они сонно моргали, глядя на Фелана, уже вспомнившего, что он так и не успел позавтракать. Никто, включая учителя, не раскрывал книг и не пользовался пером и бумагой: этот урок шел по старинке, здесь требовалось упражнять память.

— Хорошо, — сказал Фелан, войдя в круг и опустившись в густую траву. — Доброе утро. Кто помнит, что мы пытаемся запомнить?

— «Загадки Корнита и Корната», — поспешил ответить круглолицый двенадцатилетний Джосс Куин.

— О чем они?

— О двух бардах, состязавшихся, чтоб поглядеть, кто из них станет придворным бардом короля Брете...

На этом Джосс замер с раскрытым ртом. Нить подхватила дочь королевского мажордома, Сабрина Пентон, опрятная, уверенная в себе девочка.

— Каждый пытался угадать тайное имя другого, задавая вопросы.

— Сколько вопросов?

— Сотня, — выдохнул старший из учеников, неугомонный Фрезер Вердж. — Тысяча. Как же это

нужно было исполнять, чтобы все вокруг не уснули, упав лицом в тарелки?

— Это была игра, — сказал Фелан, сделав паузу, чтоб подавить зевок. — А также урок истории. Вспомните порядок начальных букв каждой строки. Они составляют схему, помогающую памяти. Начнем. По кругу, по одной строке каждый, — он обвел учеников взглядом в поисках тех, кто прячет глаза; самым неуверенным выглядел худенький белоголовый Валериан. — Валериан, ты первый.

Мальчик выдал свою строку без запинки. Строки затрещали, загудели по кругу, как шестерни часов. Мысли Фелана обратились вспять, к раннему утру. Конечно, отец послушается супругу и вернется домой, но кто знает, каким путем? Предстоявшее отцу празднование дня рождения определенно не сулило ему никакой радости. Что ж, по крайней мере, день рождения не его...

Внезапно слуха Фелана достиг шорох ветра в листве дубов и отдаленный шум города. Часы остановились, гул шестерней стих. Окинув быстрым взглядом круг учеников, он отыскал мечтательное лицо того, на кого в ожидании смотрели все остальные.

— Фрезер!

Мальчишка моргнул, возвращаясь с небес на землю.

— Прошу прощения. Я задумался.

— Мы ждем следующей строки.

Что там дальше? Может, «пэ»? Или «тэ»? Фелан и сам не мог вспомнить.

— «Вэ», — тихо шепнула Фрезеру Сабрина.